

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.2

С.С. Березовская

КУЛЬТУРНЫЙ ГЕРОЙ: ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

Реконструируется динамический процесс развития Культурного героя. В модусе метафизики он проходит путь от эмпирического типа рациональности (Трикстер) к оформленной теоретичности (Конкистадор). Постметафизическая культурная парадигма представлена преимущественно Трикстером. Полученная типология позволяет выявить инвариантное содержание категории «Культурный герой»: на любом этапе он является объективной идеограммой, воплощающей самые тенденции возможности умственной жизни человека.

Ключевые слова: Культурный герой; Трикстер; Конкистадор; Разум; миф; метафизика; постметафизика.

Тезаурус культуры богат разного рода терминами, и среди них можно выделить понятие «Культурный герой» как живое и доказательное свидетельство «второй природы» человека. И действительно, Культурный герой – это неотъемлемый участник искусственных, т.е. теоретических миров. Однако эта теоретичность наращивается и закрепляется за Культурным героем постепенно. В связи с этим отметим, что первоначально Культурный герой реализует себя в сфере мифологии.

Миф, как известно, ещё только учится мыслить рационально, поэтому он работает по преимуществу с эмпирическим материалом, не посягая на сложные теоретические обобщения. «Суть мифологического мышления состоит в том, чтобы выражать себя с помощью репертуара причудливого по составу, обширного, но всё же ограниченного... ибо ничего другого нет под руками. Таким образом, мышление оказывается чем-то вроде интеллектуального бриколажа» [1. С. 127]. Культурный герой в таком случае предстаёт в роли бриколёра – «это тот, кто творит сам, самостоятельно, используя подручные средства...» [Там же]. В условиях мифологической ситуации (профанное время и т.д.) Культурный герой совершает акты творения и добычи благ, столь необходимых человечеству; им создаются новые ценности; при его активном посредстве устанавливается и поддерживается миропорядок. Е.М. Мелетинский конкретизирует сферы влияния Культурных героев, отмечая, что они «создают современный рельеф местности, чередование прилива и отлива, времён года, добывают солнце, месяц и звезды, приносят огонь и пресную воду, предназначают в пищу человеку те или иные растения, животных, обучают человека различным приёмам охоты, ремёслам, изобретают орудия труда...» [2. С. 25]. Такого рода события насыщены космогонические, этиологические и ряд других мифов (близнецы, например). С учётом изложенного трудно удержаться от предположения, что Культурный герой – это персонаж мифологического нарратива; существо с очень активным социальным инстинктом и выраженной креативностью. При этом отдельные исследователи упоминают о териоморфизме Культурного героя, а также отмечают плутовское начало в нём. Впрочем, все эти «изъяны» по большей части характеризуют именно Культурного героя – Трикстера.

Возникновение Трикстера в традиционной культуре напрямую связано с пробуждением человеческой сознательности. Однако человек ещё блуждает во тьме мышления, вследствие чего не личностное сознание, но именно коллективное бессознательное продуцирует примарные (архетипальные) мыслительные образы, в том числе Трикстера. Данный архетип активно разрабатывается К.-Г. Юнгом, так что вполне можно довольствоваться юнговской трактовкой, гласящей, что «коллективная персонификация, каковую представляет собой Трикстер, является продуктом совокупности индивидуумов и принимается каждым человеком как нечто знакомое» [3. С. 273]. Атмосфера коллегиальности, в которой формируется Трикстер, накладывает на него отпечаток противоречивости. Весьма показательна в этом отношении уже «трикстерная» внешность – как правило, она предполагает взаимоисключающие морфологические признаки. Любопытно, что нуминозная сущность Трикстера приемлет звериный облик – так, например, широко известны трикстеры в обличье Койота, Норки, Кролика и др. При этом уже Юнг обращает внимание и всячески подчёркивает, что Трикстер «не ровня животному ввиду своей чрезвычайной неуклюжести и отсутствия инстинктов» [Там же. С. 347]. Видимо, поэтому герой русского фольклора – Медведь – очень часто наделяется эпитетом «косопалый» (проявление неуклюжести), или же он и вовсе обладает человеческим именем, как, например, Михаил Иванович из сказки «Три медведя» (намёк на отсутствие инстинктуальной программы).

Териоморфные черты в облике Трикстера зачастую синкретически едины с антропоморфными, по крайней мере их комбинация прослеживается в образе египетского Сета, скандинавского Локи и т.д. Это связано с тем, что «пра-логическое мышление является синтетическим по своей сущности... синтеза, из которых оно состоит, не предполагают предварительных анализов» [4. С. 72]. Таким образом, можно сделать вывод о физической неполноценности Трикстера. Его телесность подобна «дикой фантазмагории» [5. С. 198], сам он обращается с ней неумело, подилетантски, как бы дословно воплощая поэтическую строфу О.Э. Мандельштама: «Дано мне тело. Что мне делать с ним?» Это убеждение усиливается, стоит задаться вопросом о половой принадлежности Трикс-

тера. Зачастую его пол невозможно определить, что является своего рода выражением органической эластичности. Достаточно вспомнить скандинавского Локи – обернувшись кобылой, он рождает восьминогую кобылу Слейпнира. Не менее ярким примером в этом плане служит Вакджункага, который меняет свой пол и вступает в брак с сыном вождя, а непосредственно перед этим «женовидный» Вакджункага трижды беременеет. Стало быть, пол Трикстера ситуативен, причём Трикстер всегда меняет его на выгодных для себя условиях. Более того, половая траверсия обслуживает, по большому счёту, две потребности Трикстера, а именно голод и совокупление. Свидетельств тому немало: так, Ворон повсеместно предстаёт как «великий едок» [Там же]. В статье «Структура сказочного трюка» [6] Е.С. Новик выделяет по меньшей мере восемь уловок, которые использует Ворон для того, чтобы добраться до еды: среди них коварный совет, подстрекательство, раздраживание, мнимое родство и т.д. Ко всему прочему Ворон подвержен любострастию – у него много жён, что отнюдь не мешает ему совершать блудодейство. Любая женщина на его пути – это объект для соблазна. Однако этот «злой» ёрник заслуживает снисхождения, ведь, по наблюдению фольклориста В.Я. Проппа, «победитель прав уже потому, что он побеждает, и сказка несколько не жалеет тех доверчивых глупцов, которые делаются жертвой проделок шута» [7. С. 81].

Прозвание Трикстера «шутком» отнюдь не случайно, более того, это один из главных его предикатов. Убедительным примером в этом плане может послужить нордический Трикстер Локи (Лофт). В его арсенале немало смехотворных поступков: это и полёт в соколином оперении, и спор с карликом, разменной монетой в котором становится не что-нибудь, а голова Локи. Озорство Лофта не знает границ – оно небезобидно даже для него самого, не говоря уже о других асах, которые часто не разделяют его весёлости, что вызывает у них желание наказать или даже «убить пересмешника». Представляется возможным вспомнить «Перебранку» на пиру у Эгира, где «непрошенный гость» Локи выступает с едкой сатирой на богов: Один упрекается им в несправедливости, Тор и Браги высмеиваются за трусость, богини Фригг, Фрейя и другие – за распутство и т.д. Вероятно, меньше всего в обличительных речах Локи присутствует нравоучительный пафос. Собственно, его моральный облик также безупречен (Локи умыкает сокровища у карлика Андвари, убивает Фимафенга и соучаствует в убийстве Бальдра и т.д.). Однако, несмотря на то что на счету Локи имеются в чём-то более тяжкие проступки, нежели у других асов, он дерзостно сталкивает последних. При этом создаётся устойчивое впечатление, будто он получает неподдельное удовольствие от самого процесса «перебранки».

Стараниями Трикстера ритуальный мир пошатнулся, но так ли это плохо? К.-Г. Юнг, виднейший теоретик архетипа Трикстера, высказывает на этот счёт следующие соображения: «...конфликт порождает огонь, огонь аффектов и эмоций, и как всякий другой огонь, он сжигает и одновременно даёт свет» [3. С. 234]. Это позволяет увидеть в учинённой смутя-

ном Локи «перебранке» особый смысл, заключающийся в символическом обновлении. С помощью «карнавально-перевёртывающего смеха» [8] Локи нивелирует у богов ощущение собственной значимости, ведь «излишне серьёзное отношение к себе – как шлагбаум на пути мага и воина; без его уничтожения невозможно движение вперёд» [9]. Соответственно, Трикстер выступает раздражителем; неподконтрольной, стихийной и всё-таки движущей силой изменений: провоцируя конфликт, он вызывает ответную реакцию, которая может обернуться для культуры созиданием. Однако важно подчеркнуть, что сам Трикстер не ставит перед собой подобных задач – ему чуждо целеполагание. Отсюда другое прозвание Трикстера (помимо «шута») – «дурак». Сам он не слишком противится этому ярлыку. Тот же Вакджункага, сетуя на собственную глупость, воздаёт себе должное словами: «Вот поэтому-то люди и прозвали меня Вакджункага, Глупец!.. И они, конечно же, правы» [5. С. 193].

Неразумие Трикстера отчётливо проявляется в тех ситуациях, когда он выступает с инициативой создания некоего творения. Нужно признать, что продукт творческой (ремесленной) деятельности Трикстера за редким исключением имеет вид порчи. В качестве примера можно привести африканского Обаталу: вылепив из глины первую партию людей, он решает отпраздновать это пальмовым вином. Когда же захмелевший Обатала возвращается к работе, то из-под его дрожащих рук выходят изувеченные фигуры. Этот и другие подобные факты приглашают понять, что Трикстер воплощает собой «не-разум», он, как и вообще древнее мышление, пралогичен. Отсутствие логики можно обнаружить в поведении ребёнка, и Трикстера как раз принято ассоциировать с последним. Подобно ребёнку, «Трикстер творит свой собственный мир, пусть и неумело, то есть больше портит, чем создаёт... он мотивирован на познание и накопление опыта» [10. С. 7]. Трикстер – эмпирик, а если ему и случается решать абстрактные задачи, то он делает это «окольными», нерациональными путями. В то же время вместе с Трикстером и на нём человек учится Разуму, школит его. Неудивительно, что по достижении человеческого сознанием более высокого уровня активизируется принципиально новый тип Культурного героя, которого – по причинам, ещё требующим объяснения, – условимся называть Конкистадором. При этом важно понимать, что Трикстер никуда не исчезает, а просто отходит на второй план, созная необходимость рокировки.

Итак, начиная с Античности Культурный герой – Конкистадор – «дизайнерски и конструкторски» создаётся человеческим Разумом. Заметим, что термин «конкистадор» не следует трактовать буквально (завоеватель, покоряющий Новый Свет), хотя в нём определённо содержится аллюзия на воинственность, жажду приключений, наживы и славы у Культурного героя, его гуманные в своей основе стремления. Однако прозвание Культурного героя Конкистадором – это в первую очередь метафорический приём, призванный подчеркнуть властную силу законодательного Разума – его репрезентирует Конкистадор. В отли-

чие от Трикстера, который «наделяет человечество благами бессознательно и не в первую очередь» [5. С. 138], Конкистадор осознанно стремится подарить людям жизнь на лучших началах. Эту установку наглядно иллюстрирует Прометей – поистине гениальный цивилизатор, идущий ради своих протезов на обман самого Зевса. Необходимо признать, что этот пример показателен во многих отношениях: во-первых, он даёт представление об основных мотивах, которыми руководствуется Конкистадор в своей деятельности, – им движет человеколюбие и жажда справедливости. Неслучайно Эсхил вкладывает в уста Прометея следующие слова: «Меры не знал я, смертных любя» [11. С. 26]. В другом месте Прометей говорит о Зевсе, пеняя на его жестокость: «...человечий племенем // Несчастливым пренебрёг он. Истребить людей // Хотел он даже, чтобы новый род растить. // Никто, кроме меня, тому противиться // Не стал. А я посмел...» [Там же. С. 25].

Итак, Конкистадор не робеет перед лицом власти, и такая бескомпромиссность имеет для него самые трагические последствия. В этом смысле мучения, которые вынужден терпеть Прометей, закономерны. Однако Конкистадор тем и отличается от Трикстера, что ему знаком стратегический расчёт, словом, он всегда осознаёт все риски. Что касается Прометея, то он расписывается в своей прозорливости словами: «...прекрасно знал, что делаю // И людям помогая, сам на пытку шёл...» [Там же]. И всё же нельзя не отметить, что акт хищения огня Прометеем выдаёт в нём определённое сходство с Трикстером. Это говорит о том, что образ Трикстера обладает высокой степенью вирулентности. Фигуры Трикстера и Конкистадора соотносятся в мифах несколькими способами: либо у солидного Культурного героя в определённый момент проявляются «трикстерские» повадки (обман, кража и т.п., правда, во имя благородной цели), либо же Трикстер выступает побратимом (дуалом) Конкистадора. В таком случае Конкистадор является положительно серьёзным персонажем, он служит причиной всего правильного и прекрасного, в то время как Трикстеру инкриминируются злые, лишённые смысла поступки. В данной связи на ум снова приходит Прометей – мифологическое предание гласит, что у него есть брат-близнец Эпиметей. Уже имя каждого из братьев нарицательное: так, «Прометей» означает «мыслящий прежде», «предвидящий». Это его своеобразие не может не броситься в глаза: мудрый титан – единственный, кто знает о жребии Зевса, и острая потребность громовержца в этой информации лишь подтверждает тот факт, что мудрость Прометея превосходит зевсову, не говоря уже о «мыслящем после» Эпиметее. Согласно мифу, изложенному софистом Протагором в одноимённом платоновском диалоге, боги приказывают Прометею и Эпиметею довершить творение смертных. Однако скудоумный Эпиметей принимается за дело один и опрометчиво распределяет все способности между животными, в то время как человеческий род остаётся «наг и не обут, без ложа и без оружия» [12. С. 129]. Прометей же, в свою очередь, исправляет оплошность брата, снабжая людей «искрой огнеродной» (Эсхил). Итак, Конки-

стадор со всей очевидностью выполняет компенсаторные функции по отношению к Трикстеру и всегда включается в цепь событий, заведомо опасность, к возникновению которой причастен заведомо неумный Трикстер. По мысли Ю.В. Чернявской, «дело Культурного героя – систематизация, категоризация и сакрализация явлений Универсума с учётом изменений, привнесённых Трикстером» [13. С. 44].

Другой не менее яркий пример кровного побратимства Конкистадора и Трикстера являются скандинавские боги Один и Локи. Первый из них приходится отцом всем асам и людям. Неслучайно по отношению к Одину употребляется кённый «Всеотец» (Альфёдр). В «Младшей Эдде» об Одине говорится: «...видел он все миры и все дела людские, и была ему ведома суть всего видимого» [14. С. 304]. К сказанному следует добавить, что Один отличается деятельным любознательством и на пути к знанию не останавливается ни перед чем, даже готов пожертвовать собственной телесностью: в одном случае он отдаёт око великану Мимиру в обмен на возможность утолить жажду знания из источника мудрости; в другом случае Один пронзает себе грудь копьём и приговора самого себя к священному ясеню Иггдрасиль. Это мучительное самоистязание в конечном счёте обернётся для Одина мистическим прозрением – перед ним появляются рунические знаки. Собственно, значение данного открытия Один описывает следующим образом: «Стал созревать я // И знания множить, // расти, процветая; // слово от слова // слово рождало, // дело от дела // дело рождало» [Там же. С. 30]. В дальнейшем Один не только научится чтению, письму и изготовлению рун, но и приобщит к этому искусству всех асов, ванаов, альвов, цвергов и людей. Конечно, Одина можно и нужно классифицировать как Конкистадора – в мифах он рисуется храбрым воителем и судьёй, мудрецом и вещуном, просветителем и жертвователем. С ним резко контрастирует Локи – в эдических текстах он наделяется множеством кённингов (среди них «кузнец бед», «коварный ас», «наветчик и обманщик богов» и т.п.). Нетрудно заметить, что в мифологии Локи выглядит лицом второстепенным по сравнению с таким гигантом Мысли, как Один – обычно Локи выступает в роли оператора, исполнителя разного рода дел, не гнушается и «грязной» работы. Более того, всю черновую работу Один как раз делегирует Локи (строительство Асгарда, добыча Брисингамена и т.д.). То есть Конкистадору хватает ума в нужный момент отойти в тень событий, выставив вместо себя «дублёра». По сути, Трикстер проводит своеобразную рекогносцировку на местности, прежде чем в дело вступает Конкистадор. И даже в ситуациях открытой конфронтации с последним Трикстер не иначе как проверяет претензии Конкистадора на Силу и Власть (то самое умаление чувства значимости у Героя).

Таким образом, можно составить адекватное представление о новой тенденции в культуре (античная классика и Средневековье): в это время к слабоумному Трикстеру как бы приставлен степенный Конкистадор. В соответствии с общей логикой развития культуры Трикстер как бы объявляется *persona non grata*. В то же

время Конкистадор, со свойственной ему мудростью, предпочитает действовать по принципу *divide et impera* («разделяй и властвуй»). Как правило, Конкистадор участвует в творении Мира или препятствует его порче, а что касается Трикстера, то он по мере своих сил и возможностей тоже участвует в Творении, но делает это неэффективно, что называется, начерно. В отдельных случаях Трикстер откровенно портит только что созданный Конкистадором мир. Впрочем, «изъян и у доброго сыщешь» [Там же. С. 29], ведь тот же Конкистадор подчас действует с бесцеремонностью, достойной Трикстера. Достаточно вспомнить ситуации с похищением огня Прометеем или мёда поэзии – Одним. Тем не менее в первом случае это делается из любви к людям, а во втором – из любви к мудрости. И то и другое по-своему реабилитирует Конкистадора.

Интересно, что «червоточина» в Одине присутствует уже на физическом уровне – «владыка асов “тёмен” на один глаз» [15. С. 25]. Среди других его примет – длинная борода, копьё Гунгнир, золотое кольцо Драупнир и восьминогий конь Слейпнир. Здесь нужно обратить особое внимание на то, что Конкистадор всегда «выступает в ауре причастных его сущности предметов и неотделим от них» [16. С. 138]. Выходит, оружие, одежда, лошади и т.п. – всё это не просто декоративные аксессуары, но вещи, указывающие на прошлые заслуги и будущие свершения Конкистадора. Так, например, среди канонических атрибутов Геракла можно упомянуть плащ из шкуры киферонского льва, лук и стрелы, отравленные ядом лернейской гидры, и т.д. Однако, несмотря на определённые различия в атрибутивном арсенале того или иного Конкистадора, нельзя не заметить некоторую клишированность этого образа. По сравнению с Трикстером, который всегда уникален, Конкистадор – герой «дистиллированный», т.е. практически лишённый индивидуальности. Неслучайно в контексте греческой мифологии сущность Конкистадора, как правило, детерминируется посредством таких качеств, как «красота», «сила», «ловкость», «мужество», «смелость» и т.п. Не останавливаясь на полученных выводах, обратимся к конкретным примерам. В книге Н. Куна «Легенды и мифы Древней Греции» приводится следующее описание Тесея: «...никто не мог сравниться с ним ни в силе, ни в ловкости, ни в умении владеть оружием... Прекрасен был Тесей: высокий, стройный, с ясным взглядом прекрасных глаз...» [17. С. 89]. О другом не менее ярком герое говорится: «Не было равного Ясону в ловкости, силе, храбрости, а красотой он был равен небожителям» [Там же. С. 104]. Насколько можно судить, внешняя фактура у героев «конкистадорского» типа одна и та же – меняются только имена. Выходит, что вся сложность и непосредственность индивидуального существования сглаживается и как бы исчезает. Здесь сказывается то обстоятельство, что Культурный герой – Конкистадор в греческом мире несёт на себе отпечаток сильного Разума, находя в нём стимул и санкцию. Мир открывается эллинам в Истине, но вместе с тем он неизбежно формализуется, подвергается интеллектуальной редукции, ведь Истина логически красива во многом потому что проста.

Любопытно, что шаблонность Конкистадора проявляется даже в том, что касается его генеалогии – в контексте греческой мифологии это непременно потомок от союза божества и смертного человека (Персей – сын Зевса и Данаи; Ахилл – сын Пелея и Фетиды и т.д.). От божественного родителя Конкистадор наследует «силы необъятные», но, будучи богом лишь наполовину, он чисто по-человечески уязвим (феномен «Ахиллесовой пяты»). По большому счёту, жизнь любого Конкистадора в Античности разворачивается в соответствии с одним и тем же сценарием – он совершает подвиги, «очищает землю и море от чудовищ и зла» [Там же. С. 80], а затем умирает по вине роковой случайности. Последняя кажется мелочью, если принять во внимание силовой потенциал Конкистадора, а также то, что он находится под эгидой богов. Тем не менее Геракл погибает, надев отравленную плащаницу, а доблестный Ясон испускает дух под обломками «Арго». Вероятно, самым серьёзным противником Конкистадора выступает сама Судьба. Вот почему Герой либо наделён даром ясновидения, как Прометей, что также говорит в пользу нарастающей интеллектуализации Культурного героя, либо же на пути Конкистадора встречается некто, открывающий грядущее. Пожалуй, здесь и проявляется истинно героический характер Конкистадора – он не пытается избежать предначертанного, но проявляет резиньцию. Как бы то ни было, античный Культурный герой пребывает во власти Рока: он относительно инертен (совершая подвиги, Конкистадор, как правило, находится в долгу перед каким-либо богом); его жизнь лишена интриги (никакие превентивные меры не помогают ему избежать предначертанного). Что же касается Средних веков, то здесь «наш» Конкистадор становится гораздо более самостоятельным. Это проявляется в том, что он передвигается в пространстве по своему произволу, попутно испытывая себя и Судьбу. Данный мотив прослеживается в эпической поэме «Беовульф», герой которой по своему почину приходит на помощь данам – он сражается с чудовищным Гренделем и его матерью, и уже находясь в преклонном возрасте, вступает в смертоносную схватку с драконом. Нужно сказать, что «влечение к Смерти» у Конкистадора – это своего рода проявление доверия к Судьбе, которая «от смерти того спасает, кто сам бесстрашен!» [18. С. 54]. Вместе с тем «только со смертью он достигает завершённости и только слава останется после него. Но в этом “только” – всё: слава – главная ценность в героической этике» [16. С. 142]. Предельно ясно высказывается на этот счёт «мудромыслый» Беовульф: «Каждого смертного // ждёт кончина! // Пусть же, кто может, // вживе заслужит // вечную славу! // Ибо для воина // лучшая плата – // память достойная!» [18. С. 60]. Налицо мотив личной выгоды: Конкистадор потому и вступает в конфликт с окружающей действительностью, что по определению честолюбив и к тому же одержим неуёмной жаждой приключений. Несомненно, особое конструктивное значение для понимания этой особенности Конкистадора имеет рыцарский роман, зародившийся в период зрелого Средневековья.

В своём базовом варианте рыцарь, как и эпический герой, довольно зауряден – он обладает стандартным

набором признаков (благородное происхождение, внешняя привлекательность, учтивость и т.д.) и снабжён специальными атрибутами (именной клинок, доспехи и прочее). Однако в отличие от эпического героя, с которым всё время что-то «приключается» (в большинстве случаев независимо от его воли), настоящий рыцарь не только «не станет избегать приключений, которые ему выпадают» [19. С. 110], но, в первую очередь, он ведёт перманентный и вполне осознанный их поиск. Вообще нужно отметить, что именно приключения являются узловыми моментами героической биографии, благодаря им личность Конкистадора обретает видимость объёма. Отправной точкой, своеобразным поводом для приключения становится абстрактная цель, которую рыцарь намечает для себя, а именно отыскать то, чего найти нельзя, или одолеть того, кого одолеть трудно (невозможно). Вместе с тем «законы рыцарского приключения требуют внимания ко всему происходящему» [Там же. С. 145], поэтому по пути к заветной цели шевалье охотно принимается за выполнение других, более «будничных» задач, необходимых для поддержания status quo. Он сражается с себе подобными на турнирах, как легендарный Король Артур, воюет с неверными, как Роланд, истребляет великанов, как Тристан и т.д. В сущности, средневековый Конкистадор преуспевает во всех этих мероприятиях благодаря двум факторам: во-первых, «особая скорость, которая маркируется конём» [20], а во-вторых, исключительное расположение к нему Судьбы. Говоря о первом аспекте, нельзя не отметить, что в отличие от Античности, где Конкистадор прочно идентифицируется с «пешеходом» или мореплавателем, в Средневековье преобладает трактовка Конкистадора в качестве всадника. Впрочем, даже в этом случае Конкистадор на удивление статичен: меняется антураж, на фоне которого он действует, меняются антагонисты, которых он побеждает, но каждый раз, как бы далеко ни уходил Конкистадор, он триумфально возвращается к родным пенатам, к своей Прекрасной Даме, правда, собравшись с силами, рыцарь оставляет семейный очаг и «хорошую, удобную жену» [19] ради очередной авантюры.

Что же касается второго аспекта (благоклонность Судьбы), то он кодируется целым комплексом сюжетов, где Конкистадор обладает преференциями при доступе к значимым социальным ресурсам или получает своевременную помощь, оказавшись в сложной ситуации. Для удобопонятности обратимся к фигуре достославного Короля Артура: он чудесным образом извлекает меч из камня, а впоследствии ему достаётся «рубящий сталь» Эскалибур. Немаловажно и то, что «правой рукой» Артура является Мэрилин – чародей, который помогает ему взойти на престол, а главное, удержаться у власти, он же отбирает для Артура полсотни рыцарей, достойных восседать за Круглым Столом, и, наконец, Мэрилин спасает своего протеже в сражении с королём Пелинором. Собственно, «Король Артур неоднократно убеждался в полезности советов Мэрилина, а посему завёл себе привычку спрашивать его мнения по разнообразным вопросам – в военных и государственных делах, а также во всём, что касается личной жизни» [Там же. С. 57]. Однако,

несмотря на то, что Мэрилин даёт Артуру действительно мудрые наставления, сам волшебник признаётся, что у него «в извечной борьбе между умом и чувствами всегда побеждают последние» [Там же. С. 72], что и изобличает в нём Трикстера. На самом деле, в артурианском цикле Мэрилин по большей части рисуется хитрым сладострастным старцем, который радуется всякий раз, когда ему удаётся очередная проделка. Таким образом, и здесь, в рамках высокого Средневековья, можно наблюдать тандем Конкистадор – Трикстер, ведь Мэрилин – это типичный Трикстер, задача которого заключается в комментировании действий Конкистадора (Короля Артура). Выходит, трикстерский мотив может продлиться достаточно долго, и даже высшие уровни цивилизации отмечены его присутствием. На самом деле это говорит об отсутствии единственного типа рациональности, а следовательно, единого способа построения Культурного героя. Всегда существует «вторая линия», а именно линия «подозрения» к Разуму. Таким образом, в первой, генеральной (рациональной) линии формируется Конкистадор, во второй же, где Разум «подозревается», – Трикстер. Однако в Новое время предпринимается «великое заточение неразумия» [21], которое олицетворяет собой Трикстер, что неудивительно, учитывая прокламируемые нововременной культурой установки (вера во всемогущество Разума и абсолютная проницаемость мира для последнего). Только Трикстера невозможно «препарировать» – слишком непредсказуема его натура; это образ случайности, неподконтрольной Разуму. Невместимость Трикстера в новую картину мира объясняется его нерассудительностью и непрактичностью, ведь если его действия и приводят к чему-то разумному, то чаще всего в результате ошибки или же в самый последний момент. Вот почему в Новое время «титულიной» фигурой становится Конкистадор – он безраздельно и безальтернативно господствует в культуре.

Конкистадор «второй волны» заметно отличается от своих предтеч (античный и средневековый Конкистадоры). Дело в том, что эскалация мышления провоцирует развитие у Конкистадора обострённого самосознания. Это выражается в том, что, зачастую имея практически всё: образование, богатство, титул, любовь, Конкистадор, как существо непрерывно рефлексизирующее и потому требовательное, находит свой образ жизни неудовлетворительным. «Мой ум обладает странной склонностью размышлять обо всём, что со мной случается, даже о малейших происшествиях, и подыскивать для них своего рода логическое и моральное основание», – отмечает Октав, герой элегического романа «Исповедь сына века» [22. С. 17]. Проблема в том, что рано или поздно Конкистадор констатирует отсутствие в своей жизни логики и морали, как это делает, например, Чайльд-Гарольд: «...в расцвете жизненного мая, // Заговорило пресыщенье в нём, // Болельзнь ума и сердце роковая, // И показалось мерзким всё кругом» [23. С. 34]. Как известно, та же участь (разочарование в жизни, утрата интереса к ней) постигает петербургского сибарита Евгения Онегина.

Одиноким и непонятым, Конкистадор принимается за поиск новых стимулов к существованию. Как пра-

вило, он ищет пищу для размышления под небом чужих стран, как Чайльд-Гарольд или Александр Чацкий, либо уединяется в сельской местности, подобно Октаву или Онегину и т.д. Судя по всему, тяга к путешествиям не покидает Конкистадора и в Новое время, правда, теперь его занимают другие вещи, нежели военные кампании. Его воинственность, скорее номинальна, хотя Конкистадор имеет определённый опыт и в этой сфере (служба в армии, дуэли). И всё же в Новое время Конкистадор настроен по большей части пацифистски. Воистину бесчисленны примеры, в которых даёт о себе знать пренебрежение Конкистадора к войне и к славе. Это в корне меняет бытовавшее в Античности и в Средние века представление о Конкистадоре как о разящем, карающем Герое, который в погоне за славой несёт людям «добро с пудовыми кулаками». Определённо, в эпоху Нового времени Конкистадор слагает с себя ряд полномочий и осваивает новые поведенческие модусы. Он отдаёт предпочтение словесным баталиям и по-настоящему проявляет себя именно в них, тем более что к этому располагает его особое красноречие и развитый чтением ум. В таком случае нельзя не упомянуть о начитанности Григория Печорина, который демонстрирует блестящее знание античной мифологии, Священного Писания, русской и зарубежной классики, о чём свидетельствуют многочисленные цитаты из произведений Т. Тассо, Д. Дефо, В. Скотта и т.д. – с их помощью Печорин метко характеризует разные жизненные ситуации.

Разумеется, познания нововременного Конкистадора не ограничиваются одной лишь литературой – как настоящий энциклопедист, он выражает интерес к наукам. Конкистадор нередко проявляет склонность к философии (Чацкий – «вольтерьянец» и славянофил) или же к естественным наукам (Базаров – доктор, интересующийся химией, экспериментальной физикой, ботаникой), он говорит на многих языках и к тому же, исповедует претенциозные идеи наподобие франкмасонства (Пьер Безухов) или нигилизма (Евгений Базаров). Стало быть, в Новое время Конкистадор заметно преуспевает на интеллектуальном поприще. Он начинает с самопознания, а затем обращается к постижению природы и социума. Успехи Разума западноевропейского Конкистадора закрепляются в социально-утопических проектах, направленных на государственное переустройство или усовершенствование политического режима. Идеи, высказанные Т. Кампанелла, Дж. Вико, А. Сен-Симоном, Н.Г. Чернышевским, суть проекты, построенные конкистадорской рациональной силой и благородством души. Между тем рассудочный энтузиазм Конкистадора, его приверженность сциентизму имеют и негативную сторону. В этом можно убедиться, проследив эволюцию взглядов Конкистадора на Природу, ведь если Чайльд-Гарольд «вписан» в Природу, находит в ней отдохновение, посвящает ей панегирики: «Природа-мать, тебе подобных нет, // ты жизнь творишь, ты создаёшь светила» [23. С. 76], то немногим позже Евгений Базаров демонстрирует чисто потребительское отношение к Природе, противопоставляя себя ей: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней ра-

ботник» [24. С. 53]. Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что именно в Новое время складываются предпосылки к образованию глубокого всеохватного культурного кризиса, разразившегося «после метафизики». В то же время закономерно признание постклассики в качестве особого интеллектуального мира, а посему вопрос идентификации Культурного героя как субъекта постметафизической реальности стоит достаточно остро.

Переключение с метафизической парадигмы на постметафизику является красноречивым свидетельством логического разлома, вследствие которого «рухнули строительные леса рационалистического утопизма... Открылись бездны иррациональности рационализма и мифологичности разума» [25. С. 153]. Из этих «бездн» хлынули на поверхность «сонмы трикстерят» [13] в диапазоне от барона Мюнхгаузена до капитана Врунгеля, от бравого солдата Швейка до Ходжи Насреддина, от Незнайки до Карлсона. В каждом из этих героев присутствуют определённые качества, которые позволяют увидеть в них «реинкарнированного» мифологического Трикстера. К этим качествам следует отнести приверженность трюкам, комизм, лиминальность и т.д.

Существенно, что комизм, как и прежде, пронизывает всё существо Трикстера, уже одна только внешность которого смехотворна. Анализируя творчество В.М. Шукшина на наличие в нём трикстеров, Н.В. Ковтун приводит следующее описание типичного «советского» Трикстера: «Перед нами ряженный, голову которого, вместо дурацкого колпака, часто украшает шляпа. Кроме шляпы в арсенале ряженных оказываются заграничный костюм, плащ, мундир или шуба, чемодан, символизирующие предназначенность дороге» [26. С. 135]. Следует также обратить внимание на бутафорский характер всех этих вещей (нелепый костюм, мундир с чужого плеча, безразмерная шляпа). Трикстер использует эти предметы в обиходе с тем, чтобы выдать себя за другого, казаться умнее, возможно, ведь та же шляпа долгое время считалась верным признаком интеллигента. Таким образом, Трикстер творит миф о самом себе и всячески его поддерживает. В связи с этим отметим, что биография Трикстера сугубо нарративна. Он весьма вольно обращается с фактами – вырывает их из контекста, выдаёт желаемое за действительное. М.М. Бахтин отмечает в связи с этим, что «плут, шут и дурак создают вокруг себя особые мирки, особые хронотопы... Это лицедеи жизни, их бытие совпадает с их ролью, и вне этой роли они вообще не существуют» [27. С. 309].

Излюбленным приёмом Трикстера является апелляция к прошлому, которое также изрядно мифологизировано. В прошлом – полёт на пушечном ядре, путешествие по молочному морю на сырный остров и многие другие, явно вымышленные истории, рассказанные Мюнхгаузеном. В свою очередь, имя Трикстера также мифологизировано. Основанием для такого предположения служат разного рода псевдонимы, к которым охотно прибегают трикстеры. В частности, «великий комбинатор» Бендер представляется как Остап-Сулейман-Берта-Мария-Бендер-бей (Задунайский). Нужно признать, что тяга

к словесной эквилибристике в принципе характерна для Трикстера, чья способность изрекать остроумные силлогизмы прямо по ходу дела широко известна. Видимо, с этим обстоятельством связаны успехи современного Трикстера в сфере политики. В данном случае ярким примером может послужить Владимир Ильич Ленин. Рассматривая неканоническую лениниану, можно обнаружить немало признаков, которые выдают в вожде мирового пролетариата Трикстера. «Неказистость, рыжеватая бородка, картавость, резкие, порой вычурные жесты и знаменитая вечная кепка уводят образ Ленина больше в сторону рыжего клоуна» [28]. Как известно, Ленин берёт себе псевдоним, на создание которого, по одной из версий, его вдохновила возлюбленная (Елена Розмирович), по другой версии, он образован от названия реки Лены – в любом случае личность Ленина окутана фольклором.

Отдельного внимания заслуживает революционная деятельность Ленина – слово «переворот» (Октябрьский переворот) наиболее точно отражает суть этой деятельности, фиксируя преемственность Ленина в отношении мифологического Трикстера, тяготеющего к «изнаночности», переворачивающего культурные нормы «с ног на голову». Аналогичным образом поступает и Ленин – он подменяет старую, имперскую культуру новой, коммунистической. По сути, теперь Хаос предстаёт порядком. Однако результаты культуртрегерской деятельности Ленина позволяют записать его в ряды неудачливых демиургов – он как бы продолжает «эпиметеевскую» линию в мифологии, о чём свидетельствует недавнее крушение коммунизма. Наконец, нужно обратить внимание на такой нюанс, как язык Ленина: в нём научная серьёзность перемежается с почти площадной бранью. Эту тенденцию усугубляет другой, более современный Трикстер и антикоммунист – Владимир Вольфович Жириновский. Он «ловко примешивает к своему слабо структурированному потоку сознания фрагменты довольно разумных идей и взглядов... дразня откровенных дураков намёками на содержание и эпатируя соображающих ладной бессмыслицей» [29]. При этом речи Жириновского неизменно циничны. Подобный цинизм, с одной стороны, продиктован разочарованием в идеях Просвещения, а с другой – является специфическим средством выживания в изменчивой, энигматической модерности. Однако Жириновский – это «тот циник, который сумел превратить цинизм в самодостаточную игру, заслоняющую прагматику, конкретную выгоду, преследуемую героем» [30]. Ко всему прочему, политическую карьеру Владимир Вольфович сочетает с певческими опусами и участием в различных телешоу (типичное бриколёрство).

В целом действия Жириновского ставят под сомнение традиционно приписываемую политике серьёзность, нешуточность, элитарность, что делает его фигурой лиминальной.

Лиминальные персонажи всегда занимают гибкую, промежуточную позицию, положение «ни там, ни тут». Тот же Жириновский «по должности – жёсткий руководитель, в идеологическом отношении – записной спорщик; для окружающих – реалист, для себя – субъект, превыше всего ставящий наслаждения и удовольствия; по функциям – агент капитала, по намерениям – демократ...» [31. С. 139]. Не менее показательны в этом отношении: Юрий Деточкин (угонщик и благодетель); Эдвард Сноуден (прилетев в Россию, он обосновывается в транзитной зоне) и др. Ко всему прочему, можно заметить, что Трикстер всегда находится в пути. Идиома «поколение новых кочевников» отчётливо фиксирует его мобильность. При этом стоит обратить внимание на «кривизну» той траектории, по которой движется Трикстер. «Он всегда ищет в хаосе возможностей свой единственный шанс на необщих путях, а ими обычно оказываются такие пути, которые расцениваются общественным сознанием как неправильные, неэффективные» [32. С. 58]. По-своему убедителен пример Остапа Бендера – чтобы добраться до очередного стула, он заключает брак с Мадам Грицацуевой, и это в очередной раз позволяет засвидетельствовать иррациональность Трикстера. Однако, несмотря на все трикстерские пороки, среди которых цинизм (Фаина Раневская, Владимир Жириновский), непочтительность (анекдотический поручик Ржевский), неводержанность (Карлсон – в еде, Бендер – в «денежных знаках» и т.д.), инфантилизм (Веничка Ерофеев «изучает» метафизику пьянства), современный Трикстер далеко не аутсайдер. Пожалуй, в этом и состоит главный смысловозначительный критерий между архаическим Трикстером и современным. Прежде Трикстер был гоним за свои проделки, ему приходилось бороться за легитимность своего существования, ждать «урочного часа», но с наступлением посметафизической культуры он получает карт-бланш. Более того, теперь «Трикстер действует не только в поле мифа, но и за его пределами – в той социальной среде, которую использует сам миф» [5. С. 39]. И действительно, Разум в классике работает в соответствии с принципами трансцендентализма – этим объясняется неявленность Культурного героя в реальности – он присутствовал в ней исключительно на уровне абстракции. Однако в условиях современной культуры мы имеем дело с многочисленными эманациями Культурного героя. Именно поэтому в данной части статьи «литературные» трикстеры перемежаются (сознательно и преднамеренно) с трикстерами «из плоти и крови» – это делается для того, чтобы подчеркнуть тотальность Трикстера, его вездесущность. Разумеется, «конкистадорская» линия также присутствует в современной культуре, но как бы «пунктирно». Налицо трикстерная доминанта, и даже процесс глобализации не в силах выровнять эту диспропорцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 382 с.
2. *Мелетинский Е.М.* Культурный герой // Мифы народов мира. М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т. 2.

3. Юнг К.-Г. Душа и миф: шесть архетипов. Москва ; Киев : Порт-Рояль ; Совершенство, 1997. 384 с.
4. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление: коллективные представления в сознании людей и их мистический характер. М. : Красанд, 2012. 337 с.
5. Радин П. Трикстер. Исследование мифов северо-американских индейцев. СПб. : Евразия, 1999. 286 с.
6. Новик Е.С. Структура сказочного трюка. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/novik5.htm>, свободный.
7. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М. : Лабиринт, 1999. 285 с.
8. Бахтин М.М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Худ. лит., 1990. 541 с.
9. Платов А.В. Трикстер, или обратная сторона монеты. URL: <http://pagan.ru/lib/books/history/0platow/platow08.php>, свободный.
10. Гаверилов Д.А. Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре. М. : Социально-политическая мысль, 2006. 239 с.
11. Эсхил. Прометей прикованный. М. : Гослитиздат, 1956. 62 с.
12. Платон. Диалоги. М. : Академический проект, 2011. 366 с.
13. Чернявская Ю.В. Трикстер, или путешествие в хаос // Человек. 2004. № 3. С. 7–52.
14. Скандинавский эпос. М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 858 с.
15. Гаверилов Д.А. Белбог против Чернобога. Один против Одина // Мифы и магия индоевропейцев, альм. 2002. Вып. 10. С. 23–35.
16. Гуревич А.Я. «Эдда» и сага // Избранные труды. М. : Традиция, 2009. 469 с.
17. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. СПб. : Паритет, 2000. 445 с.
18. Беовульф // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М. : Худ. лит., 1975. 752 с.
19. Стейнбек Дж. Легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола. М. : ЭКСМО, 2010. 512 с.
20. Михайлин В. Зверь как смерть. URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2013/5/14m.html>, свободный.
21. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб. : Университетская книга, 1997. 573 с.
22. Мюссе А. де. Исповедь сына века. Калининград : Янтарный сказ, 1997. 272 с.
23. Байрон Д.Г. Паломничество Чайльда-Гарольда. Иркутск : Вост.-сиб. книж. изд-во, 1978. 190 с.
24. Тургенев И.С. Отцы и дети. М. : Просвещение, 1982. 143 с.
25. Тульчинский Г.Л. Жуть и путь, или Опыт обыденного философствования // Фигуры танатоса: Искусство умирания. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1998. С. 152–168.
26. Ковтун Н.В. Богоборцы, фантазеры и трикстеры в поздних рассказах В.М. Шукшина // Литературная учёба. 2011. № 1. С. 132–153.
27. Бахтин М.М. Функции плута, шута, дурака в романе // Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М. : Худ. лит., 1975. 500 с.
28. Абрамян Л. Ленин как Трикстер. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/abramyan1.htm>, свободный.
29. Дугин А. Нужен ли России просвещённый национализм. URL: <http://med.org.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=1182>, свободный.
30. Липовецкий М. Трикстер и «закрытое» общество. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/li19.html>, свободный.
31. Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. 517 с.
32. Топоров В.Н. Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М. : Наука, 1988. 329 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 30 июля 2014 г.

A CULTURAL HERO: THE DYNAMICS OF DEVELOPMENT

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 75–83. DOI: 10.17223/15617793/387/12

Berezovskaya Sofya S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sofber@mail.ru

Keywords: cultural hero; Trickster; Conquistador; Mind; myth; metaphysics; postmetaphysics.

A cultural hero, as a part of artificial (theoretical) worlds, at first realizes itself in mythology as a Trickster. Being a collective personification, Trickster is controversial: a combination of human and animal features (Seth); gender variability (Loki); penchant to excesses (in food, sex, humor). Trickster is often called a "jester", but taunting something Trickster sets in motion the mechanisms of culture renewal. However, he does it unknowingly. From this point of view, Trickster is also a "fool". He impersonates pre-rational kind of thinking, but because of him a man learns the Mind. Conquistador is a new type of a culture hero and he was activated as soon as the human mind reached a higher level of development. Since the time of Antiquity, the human mind, as a designer and engineer, is creating him. Conquistador is smart, strong and handsome (Prometheus). Love for the human beings and a desire for justice are among the main directions of his activity. Adventures and fame are also taking an important place in Conquistador's value system. However, comparing to Trickster, who is always unique, Conquistador has almost no individuality. At the same time, up to the Enlightenment Trickster stays close to Conquistador, which demonstrates the absence of one way of the culture hero creation. There is always "the second line" (the line of "suspicion to the Mind"). Thus, Conquistador is created in the first, major (rational), line. Trickster is created in the second line – where the Mind is suspected. However, in the Enlightenment Trickster is discriminated. Conquistador successfully dominates in the culture. In contrast to forebears he has a different mental life, which is more extensive. Conquistador demonstrates a tendency to philosophy (Alexander Chatsky), speaks many languages, adheres pretentious ideas such as freemasonry (Pierre Bezukhov) or nihilism (Evgeny Bazarov). Different utopian projects of improvement of the state structure or political regime reflect the success of West European Conquistador's mind. Meanwhile, Conquistador's rational enthusiasm provokes the crisis that comes "after metaphysics". The culture hero – Trickster – is again being actualized at this moment. Munchausen, Svejik, Karlsson and other – all these heroes reveal their similarity with the mythological Trickster due to such qualities as humor, cynicism, liminality, irrationality. Notably, the modern Trickster realizes itself not only in the framework of the myth but beyond it (F. Ranevskaya, E. Snowden and V. Zhirinovsky). Herewith, the fact that Trickster exists quite legitimately and therefore totally in the context of metaphysical culture is the main distinctive criterion for the archaic and modern Trickster. Certainly, the "conquistador" line also presents in culture, but tricksters are in majority, and even globalization is unable to change this disproportion.

REFERENCES

1. Lévi-Strauss K. *Pervobytnoe myshlenie* [The savage mind]. Translated from French by A.B. Ostrovskiy. Moscow: Respublika Publ., 1994. 382 p.
2. Meletinskiy E.M. *Kul'turnyy geroy* [A cultural hero]. In: Tokarev S.Y. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of nations of the world]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1982.
3. Yung C.G. *Dusha i mif: shest' arkhetipov* [Soul and myth: six archetypes]. Translated from English by A.A. Yudina. Moscow; Kiev: Port-Royal'; Sovershenstvo Publ., 1997. 384 p.
4. Levi-Bryhl L. *Pervobytnoe myshlenie: kollektivnye predstavleniya v soznanii lyudey i ikh misticheskiy kharakter* [Primitive mentality: collective representations in people's minds and their mystical character]. Translated from French by V. Nikol'skiy, A. Kissin. Moscow: Krasand Publ., 2012. 337 p.

5. Radin P. *Trikster. Issledovanie mifov severo-amerikanskikh indeytsev* [The trickster. The study of myths of North American Indians]. St. Petersburg: Evraziya Publ., 1999. 286 p.
6. Novik E.S. *Struktura skazochnogo tryuka* [The structure of a fabulous stunt]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/novik5.htm>.
7. Propp V.Ya. *Problemy komizma i smekha* [Problems of humor and laughter]. Moscow: Labirint Publ., 1999. 285 p.
8. Bakhtin M.M. *Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 541 p.
9. Platon A.V. *Trikster, ili obratnaya storona monety* [Trickster, or the reverse of the coin]. Available at: <http://pagan.ru/lib/books/history/0platon/platow08.php>.
10. Gavrilov D.A. *Trikster. Litsedey v evroaziatskom fol'klore* [Trickster. The play-actor in Eurasian folklore]. Moscow: Sotsial'no-politicheskaya mysl' Publ., 2006. 239 p.
11. Aeschylus. *Prometei prikovannyi* [Prometheus bound]. Translated from Ancient Greek. Moscow: Goslitizdat Publ., 1956. 62 p.
12. Plato. *Dialogi* (Dialogues). Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2011. 366 p.
13. Chernyavskaya Yu.V. *Trikster, ili puteshestvie v khaos* [Trickster, or travel into chaos]. *Chelovek*, 2004, no. 3, pp. 7-52.
14. *Skandinavskiy epos* [The Scandinavian epic]. Translated by M. Steblin-Kamenskiy, O. Smiritskaya. Moscow: AST: AST MOSKVA Publ., 2008. 858 p.
15. Gavrilov D.A. *Belbog protiv Chernoboga. Odin protiv Odina* [Belbogs against Chernobog. Odin against Odin]. *Mify i magiya indoevropeytssev*, 2002, issue 10, pp. 23-35.
16. Gurevich A.Ya. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Traditsiya Publ., 2009. 469 p.
17. Kun N.A. *Legendy i mify Drevney Gretsii* [Legend and myths of Ancient Greece]. St. Petersburg: Paritet Publ., 2000. 445 p.
18. *Beovulf* [Beowulf]. In: *Beovulf. Starshaya Edda. Pesn' o Nibelungakh* [Beowulf. Elder Edda. Song of the Nibelungs]. Translated by V. Tikhomirov. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 752 p.
19. Steinbeck J. *Legendy o korole Arture i rytsaryakh Kruglogo Stola* [The Acts of King Arthur and His Noble Knights]. Translated from English by T. Minina. Moscow: EKSMO Publ., 2010. 512 p.
20. Mikhaylin V. *Zver' kak smert'* [A breast like death]. Available at: <http://magazines.russ.ru/oz/2013/5/14m.html>.
21. Foucault M. *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [History of Madness in the Classical Age]. Translated from French by I.K. Staf. St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 1997. 573 p.
22. Musset A. de. *Ispoved' syna veka* [The confession of a child of the century]. Translated from French by D. Lifshits. Kaliningrad: Yantarnyy skaz Publ., 1997. 272 p.
23. Bayron G.G. *Palomnichestvo Chayl'd-Garol'da* [Childe Harold's Pilgrimage]. Translated from English. Irkutsk: Vostochno-sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1978. 190 p.
24. Turgenev I.S. *Ottsy i deti* [Fathers and Sons]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1982. 143 p.
25. Tul'chinskiy G.L. *Zhut' i put', ili Opyt obyden'nogo filosofstvovaniya* [Horror and way, or everyday experience of philosophizing]. In: Demichev A.V., Uvarov M.S. (eds.) *Figury tanatosa: Iskustvo umiraniya* [The figures of Thanatos. The art of dying]. St. Petersburg: SPbSU Publ., 1998, pp. 152-168.
26. Kovtun N.V. *Bogobortsy, fantazery i trikstery v pozdnykh rasskazakh V.M. Shukshina* [Atheists, visionaries and tricksters in the later stories by V.M. Shukshin]. *Literaturnaya ucheba*, 2011, no. 1, pp. 132-153.
27. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznykh let* [Problems of literature and esthetics: the study of different years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 500 p.
28. Abramyan L. *Lenin kak Triksler* [Lenin as a Trickster]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/abramyan1.htm>.
29. Dugin A. *Nuzhen li Rossii prosveshchennyy natsionalizm* [Does Russia need the enlightened nationalism]. Available at: <http://med.org.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=1182>.
30. Lipovetskiy M. *Trikster i "zakrytoe" obshchestvo* [The trickster and a "closed" society]. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/10/li19.html>.
31. Sloterdijk P. *Kritika tsinicheskogo razuma* [Critique of cynical reason]. Translated from German by A. Pertsev. Ekaterinburg: Ural University Publ., 2001. 517 p.
32. Toporov V.N. *Arkhaicheskii ritual v fol'klornykh i ranneliteraturnykh pamyatnikakh* [The archaic ritual in folklore and early literature monuments]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 329 p.

Received: 30 July 2014